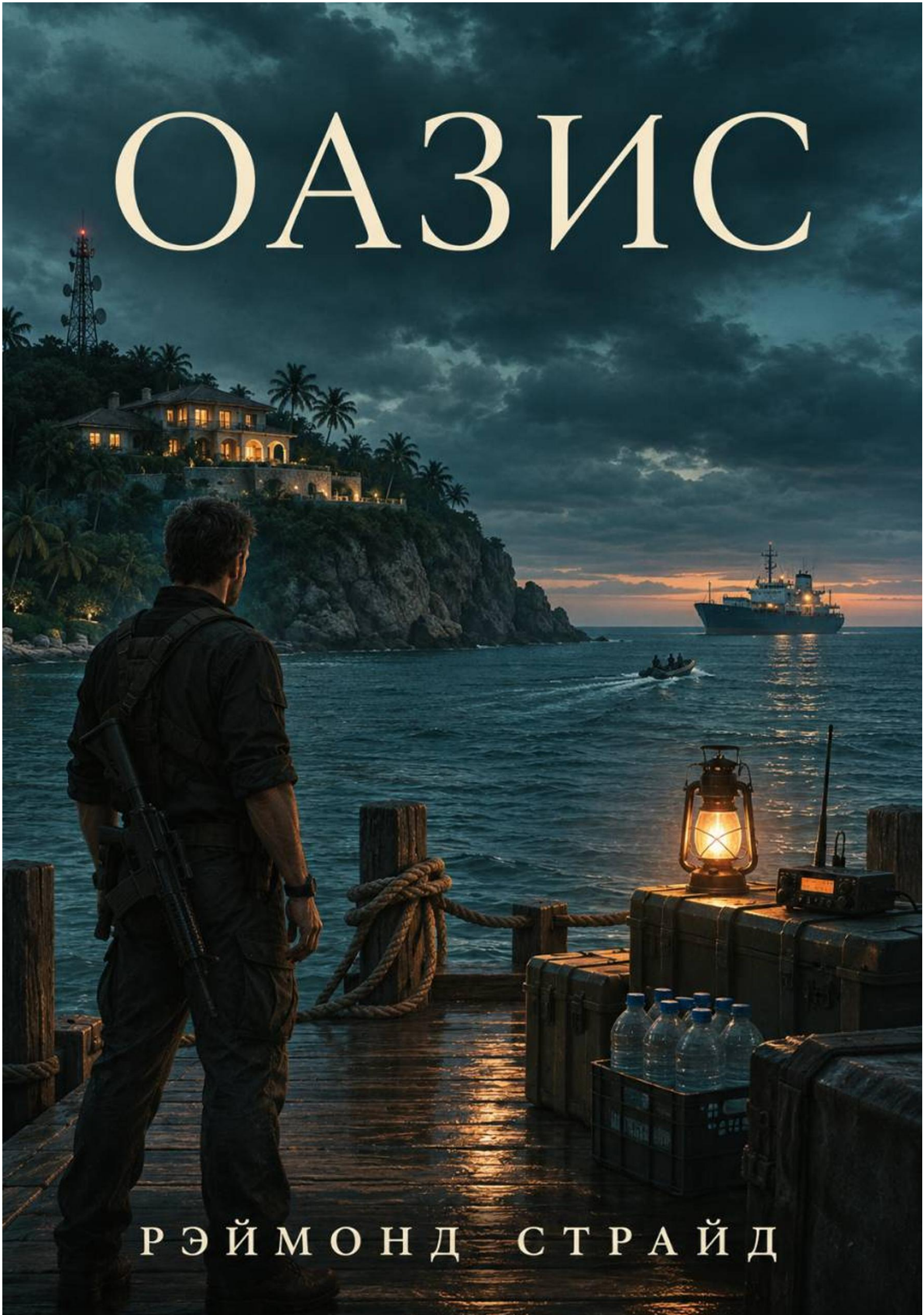
ОАЗИС



РЭЙМОНД СТРАЙД

Рэймонд Страйд

Оазис

«Автор»
2026

Страйд Р.

Оазис / Р. Страйд — «Автор», 2026

Грант Эверетт собрал гостей на острове Вейл. Утром должен был прийти катер со снабжением, но не пришёл. Телевизор погас посреди эфира, а материк перестал отвечать.Яхта уходит к ближайшему порту и возвращается ни с чем. Дозиметр показывает цифры, которые никто не хочет называть вслух. Хозяин, привыкший приказывать, теряет власть, а начальник его охраны Дэниел Коул внезапно становится человеком, от которого зависят вода, еда и чужие жизни.Когда из эфира прорывается голос дрейфующего судна, остров впервые получает шанс и выбор. Помочь или взять своё. Закрыться или открыть бухту. Решения придётся принимать при закрытых дверях погреба, у кухонного бака и в эфире, где каждое слово слышат все.

© Страйд Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. До утра 5
Глава 1. Котировки 7
Глава 2. Список на завтра 12
Глава 3. Пятеро 17
Глава 4. Пустой слот 22
Глава 5. Вижу город 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Рэймонд Страйд
Оазис

Пролог. До утра

Томас Бек ещё не ступил на остров, а его завтрак уже дважды поменялся.

— Персики, — сказал Грант Эверетт. — И чтобы не из холодильника.

Нора Прайс стояла у двери на кухню с бокалом, который ей кто-то всучил минут десять назад. Она так и не отпила.

— У нас есть груши.

— Томас любит персики. У вас же утром катер.

Нора поставила бокал на подоконник.

— Пока он у меня в накладной, Грант.

При гостях Грант отшучивался, когда Нора ему перечила. На этот раз он просто рассмеялся. Как только Нора ушла, он попросил меня передать ей, что персики нужны к восьми.

У Гранта сегодня побаливало колено. На террасу он вышел через каминный зал, где порог был ниже, а когда кто-то окликал его из-за спины, разворачивался всем корпусом. Лёд, который врач с материка по телефону велел приложить ещё час назад, растаял в ведёрке у его кресла. Пока он показывал гостям бухту, я переставил ближе к нему стул. Он опустился на него посреди фразы, ни разу не глянув назад.

Калеб тронул меня за локоть. На подносе у него стояли четыре пустых бокала. Один он забрал у гостя, который сунул ему ещё и косточку от оливки.

— Коул, с причала поднялся Хан. Его футляр надо посмотреть.

Калеб передал поднос проходившей официантке и занял моё место у двери. Я вышел в служебный коридор. Виктор Хан ждал у входа, положив на стол чёрный футляр.

— Сказали, без вас не открывать. Я его с утра таскаю, хотите подержать?

Футляр был тяжелее, чем выглядел. Виктор отжал одну защёлку. Вторая не поддавалась. Он перехватил футляр, надавил на крышку и только тогда открыл её. В поролоне лежал жёлтый прибор с потёртым экраном. В боковой выемке — батарейки в заводской упаковке.

— Дозиметр, — сказал Виктор. — Образец из последней партии. Утром показывал заказчику, так с ним и приехал.

Виктор нажал кнопку. Экран засветился, прибор коротко пискнул. Из зала донёсся смех. Виктор покосился на дверь.

— Вот теперь могу сказать, что у Гранта безопасно.

— В этой части коридора, — уточнил я.

— Хотите ко мне в отдел продаж? — спросил Виктор.

Он выключил прибор, уложил его обратно и проверил пальцем, села ли крышка. Я помог дожать тугую защёлку. Виктор попросил отнести футляр в его комнату.

Вернувшись, я нашёл Гранта в кресле у камина. На экране над ним ведущая повернулась к собеседнику. Звук убрали ради музыки, и со своего места я видел только, как ведущая замерла в ожидании ответа. Внизу экрана ещё бежали котировки. Один из гостей следил за ними, держа бокал на весу. Когда его окликнули с террасы, он поднял палец и дождался своей строки.

Калеб подменил меня ещё на пару минут, чтобы я успел в кухню. Нора стояла у доски и стирала фамилию гостя, который передумал насчёт ужина. Рядом висела накладная на утро.

— Грант просил персики для Томаса к завтраку.

Она взглянула на меня поверх очков.

— Раз уж пришёл, спроси у причала, во сколько их ждать. Если поставщик ещё на связи, я попрошу его добавить ящик.

Дежурный ответил сразу. Снабженец подтвердил заход на семь утра. Нора вписала персики внизу, отправила поставщику сообщение и вернула накладную на доску. Телефон завибрировал прежде, чем она успела убрать его в карман. Прочитав ответ, она сняла с полки пустую корзину и поставила её у двери.

Глава 1. Котировки

Томас Бек приехал к десерту, когда с террасы уже унесли переносные обогреватели. Ужинать он отказался, взял с подноса два печенья и спросил, где у Гранта смотрят новости. К этому времени в каминном зале собрались те, кому стало холодно на террасе, и те, кому надоело слушать музыку. Грант заметил Томаса, позвал его к себе и велел прибавить звук.

С экрана на нас смотрела ведущая. Рот у неё был приоткрыт. Под большим пальцем, у края стола, белел листок. Внизу застыла строка котировок. Справа у последней цифры виднелась только половина.

Томас засунул печенье в рот и прибавил звук. Из динамика шёл только гул. Ведущая так и осталась с открытым ртом.

— Можете переключить? — спросил он у девушки, собиравшей бокалы.

Она приняла у него пульт. Следующий канал показал чёрный экран. Через несколько секунд появилась надпись о потере сигнала. Девушка снова включила новости. Ведущая пропала и оттуда.

— У тебя вайфай работает? — спросил кто-то у Томаса.

Тот дожевал печенье и достал телефон. Я уже смотрел на свой. Значок вайфая показывал полный сигнал. Островной чат загружался, а в переписке с материком не появилось ничего нового. По островной рации Калеб отозвался с первого раза. Он обходил нижнюю дорожку и попросил на всякий случай прислать кого-нибудь к двери со стороны кухни. Гости всё ещё выходили покурить, а у двери со стороны кухни подтекал доводчик. Створка за гостями не закрывалась.

— Передай это Инес, — сказал я в рацию. — Пусть зайдёт и сюда, когда освободится.

Грант сидел, вытянув ногу к камину. Под пяткой у него лежала диванная подушка в наволочке с вышитыми птицами. Девушка положила пульт на столик. Грант подал пульт Томасу и взялся за телефон.

— Хорошо, если это ИИ, — сказал Томас. — Наконец-то выбрался наружу. Я столько в него вложил, что мог бы хотя бы предупредить.

Виктор засмеялся первым. Он подошёл к окну и прислонил телефон к стеклу, подняв его на уровень глаз. У Софии Карденас на коленях лежала сумка. До этой минуты она слушала остальных, держась за расстёгнутую пряжку.

— Грант, у меня в полночь разговор со студией. Могу воспользоваться телефоном у тебя в кабинете?

Грант окликнул меня:

— Дэниел, позвони начальнику того, кто у нас отвечает за связь.

Я уже собирался сказать, что Инес и есть начальник, когда она вошла. На ней была рабочая рубашка, поверх которой она набросила чужую, судя по длине рукавов, куртку. Девушка с подносом обошла её и успела уйти, прежде чем Грант заметил, что его стакан тоже забрали.

— У кого-нибудь местная сеть пропала? — спросила Инес.

Томас вытянул руку с телефоном.

— Сеть есть. Открыть ничего не могу.

Инес открыла на телефоне расписание островных машин и попросила Томаса набрать тот же адрес. Страница открылась и у него. Он прокрутил страницу до конца, потом опять попробовал открыть котировки.

— Здесь в доме питание есть, — сказала Инес. — В мастерской тоже. Иду смотреть спутниковый терминал.

— И телефон в кабинете, пожалуйста, — напомнила София.

Инес остановилась у двери.

— По острову с него позвоните. На материк сейчас не выходит.

София застегнула сумку. У экрана больше никто не стоял, и всё равно люди сдвигались ближе к камину.

Грант поманил меня к креслу. Я наклонился, чтобы он мог говорить вполголоса. От него пахло дымом и мятной мазью, которую он втирал в колено перед сном.

— Узнай, как там причал. Если это по всему острову, пусть скажут до того, как кто-нибудь из гостей захочет уехать.

Томас сидел на краю дивана и стряхивал крошки с брюк. Его доставила с материка наёмная яхта. Марк забрал его на катере с рейда, и она ушла. У внешнего причала стояла яхта Гранта.

— Кто-нибудь уже просился? — спросил я.

— Пока нет. Но я обещал им завтрак.

Грант убрал подушку из-под ноги и встал сам. Мы дошли до лестницы, прежде чем он попросил взять его под локоть.

Из кабинета доносился гул вентиляции. Грант вошёл, оставив дверь открытой, и поднял трубку. Поначалу гудок был ровным. После набора номера пошли короткие сигналы.

— Вы ждёте звонка с материка? — спросил я.

Грант взглянул на экран мобильного и убрал телефон в карман.

— Сын обещал позвонить перед рейсом. Может, уже сел.

Он оставил трубку рядом с аппаратом и потянулся к бару. Там стояла вода без льда. Взяв стакан, он второй рукой нащупал край письменного стола, прежде чем опереться. Я остался, пока он дошёл обратно до кресла. О его сыне я знал меньше, чем о таблетках, которые сам подавал Гранту после ужина. На моём дежурстве они встречались один раз, и тогда Грант попросил всех выйти из кабинета. Через полчаса позвал меня, чтобы узнать, куда ушёл парень.

По коридору прошла Элиза Уорд, шаркая гостиничными тапочками. У кабинета она остановилась. На голых ступнях у неё были следы от ремешков. Туфли она несла в руке.

— Если кто-то соберётся ночью спускаться к яхте, разбудите меня, — сказала она. — У причала ветер развернулся.

Грант поставил стакан на стол.

— Думаешь, это из-за погоды?

Элиза перехватила туфли за носки. На одной не хватало каблука.

— Я про лодку. Минут сорок назад она уже билась бортом о причал. Попросила переставить, пока там люди.

Она пошла к себе. Грант попросил оставить ему дверь открытой и накинул на колено плед с дивана. На лестнице я передал Калебу, что выйду к причалу. Он вызвался остаться наверху, а мне велел захватить куртку, если хочу потом застегнуть её сам. Днём ветер дул со стороны бухты. Теперь он шёл вдоль стены. Я застегнул куртку до подбородка.

У служебного выхода кто-то подпёр ту самую дверь резиновым сапогом Инес. Второй стоял рядом. Я захлопнул створку. Попросил дежурного спуститься к двери и побыть там, пока её не починят. Он спросил, долго ли, и я сказал, что найду смену через час. Голос у него был сонный. Его фамилии я ещё не запомнил. Зато знал, что на ужин он взял себе две булки и одну отдал парню, который весь вечер стоял снаружи.

Служебный двор был на полпути к воде. На капоте пикапа у мастерской сушились полотенца, прижатые ящиком, чтобы не сдуло. Над воротами мастерской горела лампа. В щель было видно цистерну. Инес стояла перед шкафом, закатав рукава куртки, и что-то читала на маленьком экране.

— Доводчик на кухне снова течёт, — сказал я.

Она нашла пальцем нужную строку и переписала её в блокнот.

— С утра поменяем. По телевизору что-нибудь появилось?

Я покачал головой. В мастерской на полке негромко играла музыка. Инес выключила колонку. Стало слышно, как гудит холодильник за стеной.

— Это у нас с телефона крутилось, — сказала она. — На случай, если наверху спросят.

На экране в шкафу работало меню. В строке внешней связи стоял прочерк. После перезапуска он так и остался. Инес собиралась проверить наружный блок, попросила позвать помощника снизу. Я предложил подождать у лестницы, пока она закончит во дворе. Она передала мне блокнот и закрыла дверцу шкафа.

Пока Инес возилась со шкафом, на соседней установке сменились цифры, и насос смолк. Я спросил, что это. Насос снова завёлся, теперь ниже тоном.

— Воду в дом качаем. Вечерами всегда два захода, пока все в душе, — сказала она и забрала блокнот. — У тебя ко мне что-то ещё?

Я показал ей телефон с неотправленным сообщением.

— Хотел узнать, может ли оно уйти, если вернётся связь.

— Может. Оставь как есть.

Сообщение было жене. Я написал, чтобы она не будила меня звонком утром, если увидит, что я на острове. Мы с ней давно договорились, что в рабочую ночь для меня утро начиналось после полудня. Под сообщением всё ещё крутилась стрелка. Я погасил экран и пошёл за Инес.

У нижней лестницы мы встретили её помощника. Он нёс налобный фонарь в руке и подсвечивал себе ступеньки. Инес забрала у него фонарь и пошла с ним в сторону площадки, где стояла антенна. Луч фонаря уходил вдоль ограды. Я остался ждать у сарая. Мимо проходил дежурный по причалу. Под подбородком у него висели две завязки от капюшона, правый рукав промок до локтя.

— Катер, на котором привезли Томаса, переставили? — спросил я.

Дежурный указал на внутренний настил.

— Элиза взялась за нос лодки, пока я тянул её вдоль причала. Каблуком зацепилась за настил, так он там и остался. Не говори Гранту, что она спускалась. Он в следующий раз пошлёт её вместо меня.

Я посветил вниз и увидел потёртость на борту, где лодку тёрло о резиновый отбойник. Два малых катера стояли подальше в глубине бухты. У внешней стороны причала покачивался трап яхты. Отсюда можно было видеть, когда на нижней площадке зажигался свет. За стеклом рубки мелькнул силуэт вахтенного.

В будке дежурного пахло кофе из термоса и сыростью. На доске у семи утра красным стояло «Снабжение». Дежурный показал последнюю отметку в журнале. Катер подтвердил время вечером, когда до острова ему оставался ночной переход. Отметку передали через диспетчера, с которым Нора согласовывала груз.

— Он обычно даёт знать перед подходом? — спросил я.

Дежурный поставил термос на пол, чтобы вытащить рацию из зарядки.

— Минут за двадцать. Если мы под краном, я прошу его подождать снаружи. С утра кран свободен.

Я попросил его разбудить меня, если Пако выйдет на связь раньше. Он спросил, всё ли хорошо в доме. За ним, сквозь соль на стекле, едва просматривался вход в бухту.

— Телевизор перестал показывать. Хотим услышать, как у них со связью.

Дежурный перевесил куртку ближе к обогревателю. Под вешалкой уже натекла лужа. Новостей он за смену ни разу не включал. Он признался, что уже набрал сообщение своему сменщику. Хотел попросить того прийти чуть раньше, чтобы вместе разгрузить катер. Обычно тот сразу отвечал, но сейчас телефон молчал.

После полуночи я вернулся с причала в дом. Музыку выключили. За дверью каминного зала мерно поскрипывало, и я сначала подумал, что оставили створку на террасу открытой.

Створка была закрыта. На экране кто-то шёл по снегу, камера смотрела вниз, на ботинки и занесённые ступени. Ролик назывался «Зимний лес».

Виктор вытянул ноги на стуле, который притащил из столовой. Больше в зале, кроме него и Софии, никого не осталось. София сидела в том кресле, где раньше сидел Грант, и грела руки о чашку.

— Из мастерской что-нибудь передали? — спросила она.

На столике возле неё лежал телефон с недописанным сообщением. Прежде чем экран погас, я успел прочесть первое слово: «Задерживаюсь».

— Инес проверяет антенну. У причала всё работает.

— Я могу отправить сообщение из будки?

София уже потянулась за сумкой. Я показал на её чашку, которую она забыла поставить.

— Там обычная рация. Катеру, когда подойдёт, передать можно. До студии отсюда не докричишься.

Она опустила чашку на столик. Виктор перемотал ролик, и снег стал падать на ступени в обратную сторону.

— Томас нашёл старый ролик в памяти телевизора, — сказал Виктор. — Теперь хотя бы картинка двигается.

София подошла к островному телефону. Попросила соединить её с Грантом и предупредила, что из студии до неё теперь не дозвонятся. На выходе она прихватила чужой пульт и вернулась положить его на место.

На экране заново пошёл снег. Виктор выключил телевизор.

— Томас шутил, — сказал он. — Про ИИ. Утром может начать делать вид, что выдвинул версию.

Он поморгал. Виктор сказал, что прошлой ночью урвал в аэропорту часа три сна. Остаток дня таскал тот самый чёрный футляр. При слове «заказчик» он полез к телефону. Встал уже с телефоном в руке, забыв пиджак в зале. Пришлось окликнуть его у двери.

Калеб ждал меня на лестнице. Инес передала ему, что антенна цела, а связи снаружи всё ещё нет. Пока Калеб рассказывал, он сидел на ступеньке, упираясь босой пяткой в ковёр. Ботинок он держал в руке.

— Отправь Оуэна наверх, — попросил я. — Потом поменяемся. У дверей кухни я обещал человеку смену.

— У дверей уже сменили, — сказал Калеб. — Прежде чем будить тех, кто лёг, сам посмотри на часы.

Было без четверти два. По расписанию я должен был спуститься в жилой корпус ещё в полночь. Калеб надел ботинок и встал, не зашнуровав. Грант за дверью кашлянул. Оба повернули головы, но из кабинета больше ничего не донеслось.

— В шесть сорок на причале ждут голос с катера, — сказал я. — Если всё в порядке, я посплю после.

Калеб нагнулся и завязал ботинок.

— Хоть будильник поставь.

В жилом корпусе я снял куртку, повесил её на спинку стула и лёг прямо в брюках. Телефон оставил на подоконнике. Вода в трубе за стеной пошла с таким грохотом, что первую минуту было слышно каждое движение человека в соседнем душе. Потом всё стихло, и я уснул.

Когда прозвенел будильник, сообщение жене всё ещё числилось неотправленным. За окном уже различались стволы деревьев. От поливальной трубы тянулась лужа: ночью короткий участок шланга выскочил на камни, и вода пошла поперёк тропы. Я обошёл лужу, завернул за мастерскую и по рации попросил разбудить техников, если они ещё спят. Инес ответила сама. Пошлёт человека, когда тот вернётся с антенны.

Когда я вышел из-за сарая к причалу, парень из Нориной смены катил по настилу грузовую тележку. Пустая корзина стучала ручкой о верхнюю полку. Он остановился и спросил, много ли сегодня поднимать. Я показал на будку, где лежала накладная, и прошёл к краю.

На внешнем рейде ещё тянуло с ночи. Здесь, внутри бухты, волну срезал мыс. Дежурный ждал у лестницы, с рацией на ремне. Капюшон он больше не надевал. На нём была ещё вчерашняя куртка.

Привычное время подходило. Он вызвал катер первым, назвав его по имени. Подождал и повторил вызов. Из динамика коротко прошипело и пропало. Дежурный позвал яхту, и с борта откликнулись чисто. Катера там тоже не слышали.

— Может, ещё по ту сторону мыса. Отсюда не всякий раз слышно, — сказал дежурный.

Из будки был виден вход в бухту. Я взял рацию, вышел на дальний край настила и позвал снабженца ещё раз. Со стороны мыса прошла низкая волна и качнула понтон. На понтоне звякнула цепь. Дежурный поднял голову на звук, хотя прекрасно знал, откуда он.

Без десяти семь на кухне спросили, можно ли поднимать кофе к гостям. Дежурный хотел сказать, что катер задерживается, но передал только, что подтверждения пока нет. Потом впустил меня в будку и достал последнее сообщение. На распечатке под временем стояла фамилия человека на борту. Дома его называли Пако. В прошлый раз он привёз промокший пакет с письмами. Пока шла разгрузка, Пако развесил у себя в рубке детские рисунки, чтобы они просохли. Пако любил шутить, что в здешней накладной можно провезти всё, кроме почты: её всегда замечали и спрашивали, почему она пришла так поздно.

Стрелка в будке дошла до семи. Над пустым местом у причала покачивался крановый крюк. Парень из кухни подошёл ближе и взялся за ручку тележки, чтобы не стучала корзина.

Я ещё раз назвал Пако по имени. С той стороны никто не ответил. Дежурный открыл журнал и протянул мне ручку. В строке «Прибытие» я поставил прочерк. Следом открыл новую строку и вписал время следующего вызова.

Глава 2. Список на завтра

Нора сняла корзину с тележки и спросила, видел ли кто-нибудь катер. Парень из её смены показал на меня. Он ждал у двери с пустой тележкой.

— Пако не ответил, — сказал я. — На яхте его тоже не слышали.

Нора отправила парня наверх с кофе. В кухне пропустила меня вперёд, потом вошла сама и поставила корзину в проход. На разделочной доске лежали вымытые груши. У одной возле плодоножки остался кусочек бумажной наклейки. Нора соскребла его ногтем и сдвинула грушу к остальным.

— Я скажу Беку, — предложил я.

— Уже сказала. Он попросил тост.

Она сняла с доски накладную. У последней строки, где её рукой было приписано «персики», стояла маленькая галочка. Поставщик успел ответить до того, как мы потеряли связь.

— Спроси у Гранта, во сколько сегодня ужин, — сказала она. — И предупреди, что меню я скажу сама.

По накладной шло пополнение всей кухни. Часть вчерашнего запаса уже разошлась на обед и приём. Нора показала на расстоечный шкаф, где подходило тесто. На завтра можно было испечь хлеб. К нему Нора собиралась оставить яйца, которые повар с утра отложил на одно из вечерних блюд. Если сохранить меню, утром хлеб подадут с маслом и больше ни с чем. Она предпочитала сама поговорить с Грантом до ужина.

— Если катер всё-таки придёт к обеду? — спросил я.

— Сварю тебе обед из того, что он привезёт.

Дверь толкнули снаружи. На пороге стоял Калеб. Он пропустил двух поваров. Один нёс к мойке целую стопку подносов.

— Грант просит тебя наверх. И спрашивает, можем ли послать лодку за мыс.

Крановщика уже разбудили, причал к приходу снабжения держали свободным. Для короткого выхода годился один из малых катеров. Элиза была внизу и вместе с дежурным смотрела вход в бухту. Оказалось, Грант сперва вызвал её. Потом стал обсуждать с Калебом, кого отправить вдоль берега острова, и так увлёкся, что оставил её у телефона. Калеб нашёл её на причале, когда пошёл выяснить, где стоят катера.

— Попроси проверить за мысом и вернуться, — сказал я. — Вдоль всего острова можно полдня ходить. Пако всегда подходил с одной стороны.

Калеб кивнул на причал.

— Вот Элиза то же самое сказала. Возьмёт Марка, если Грант согласится.

Кухонная дверь за Калебом закрылась сама. Техники успели заменить доводчик. Перед тем как подняться к Гранту, я вынес корзину из прохода, поставил на полку и услышал, как Нора за спиной просит принести ей из кладовой чай. Нераспечатанный кофе Нора попросила оставить на завтра.

В кабинете у Гранта был Томас. Он сидел за небольшим столом у окна и водил пальцем по распечатанной схеме бухты. На карту попал кофе. В том месте, где сходились линии глубин, капля растеклась до самой кромки.

— Он мог проспать вызов, — сказал Томас. — У него там будильник на кухне, к койке не слышно.

Томас промокнул карту салфеткой, пока Грант ждал ответа.

— Знаю, потому что однажды с ним шёл. Он меня будить просил.

Я передал предложение Элизы. Грант вытащил из-под схемы чистый лист и стал искать карандаш. В ящике стола нашёл только конверты. Томас протянул ему свой, с погрызенной резинкой. Грант на чистом поле записал имя Элизы, под ним своё обычное «да», и отдал мне,

хотя прекрасно знал, что на причал быстрее передать по рации. Я убрал записку в карман. Пока говорил с Калебом, Грант уже искал, куда положил карандаш.

Пока наверху накрывали к завтраку, на лестнице снова послышались шаги. По лестнице прошла уборщица, у неё на поясе звякнули ключи. Сверху кто-то попросил ещё одно полотенце. Томас подхватил карту снизу. Грант подал мне телефон и попросил меня снова связаться с диспетчером.

В обычные дни диспетчер присылал Норе список груза и время захода. Вечером его имя ещё стояло под подтверждением заказа. К утру Инес попробовала дозвониться через резервный спутниковый аппарат. Тот долго искал сеть, а потом выдал ошибку. По местной линии позвонили с причала. Элиза просила копию накладной с именем снабженца и временем последнего подтверждения. Грант выслушал это и впервые за утро сам подошёл к окну. Отсюда вход в бухту был виден целиком. Малый катер показался за яхтой, сбавил ход у последнего буя и ушёл за мыс.

Пока ждали, Грант спросил у меня, можно ли поднять на северный пост кого-нибудь с опытом дальней связи. Обычно там работал дежурный, до обеда его должна была сменить Инес со своим помощником. Я предложил пойти самому. Так можно было услышать, что принимали за последние часы, и не водить людей от рации к рации. Грант кивнул, не отрывая взгляда от воды.

— Если вдруг ответит Сан-Томас, спроси, работает ли аэропорт.

Он сказал это раньше, чем я взялся за ручку. На столе у него лежали две пары очков. Одну он попросил вечером принести из спальни, потому что в первой не мог разобрать мелкий шрифт. Он надел обе по очереди, проверяя, не пришло ли сообщение от сына.

На подъёме к северному посту дорожка уходила за дом. Отсюда были видны плоская крыша мастерской и верхушки деревьев у причала. На середине подъёма я заметил малый катер. Элиза возвращалась раньше, чем намечали. По рации она сообщила, что за мысом видимость хорошая, а снабженца нет. Дежурный по причалу ответил, что пришвартует их с внутренней стороны. Я дождался, пока Элиза подтвердит, и только после этого убрал рацию.

На площадке перед постом ветер прижал куртку к спине. Я постучал и взялся за ручку, чтобы дверь не распахнуло, когда изнутри откинут щеколду. Оуэн пропустил меня внутрь. Вчера он должен был подняться сменить Калеба наверху. Утром его послали сюда. Из-под куртки у него торчал белый ворот. Каждые несколько минут Оуэн приглаживал его рукой, и ворот снова вылезал, когда он склонялся над столом.

У окна сидел техник, которого Инес отправила сюда вместо завтрака. Звали его Луис. Его младшая сестра Лупе работала у Норы и иногда приносила ему еду, когда он засиживался в мастерской. Луис оставил у аппарата нетронутый бутерброд и освободил место рядом.

— Сядь сюда. У двери ветер забивает динамик.

Я сел сбоку от аппарата. Луис проверил, плотно ли закрыта дверь, и вернулся к аппарату. На коротких волнах слышались помехи. Береговой диспетчер не отвечал. С яхтой по местной связи они уже говорили. Оуэн принёс список частот, на которых обычно отвечал материк.

— Могу я сам позвать порт? — спросил я.

Луис подвинул ко мне микрофон. Я назвал Сан-Томас и остров, повторил вызов и вернул микрофон в держатель. Луис остался сидеть, вытянув вперёд руку. Тут в динамике поднялся шум. Слышался голос мужчины. Он говорил по-английски медленно, как говорят, когда хотят, чтобы записали.

— …кто-нибудь на восточном… Повторяю, мы…

Дальше он произнёс «шесть». Остальное заглушили помехи. Луис быстро позвал станцию, попросил назвать себя. Оуэн успел записать «шесть» и оставил место перед словом.

Мы прослушали ещё несколько минут. На регуляторе остался след от большого пальца Луиса. Он попросил Оуэна записать время. Потом каждый назвал то, что услышал. Оуэн рас-

слышал после «восточном» слово «причале», а Луис — «канале». Я не поручился бы ни за один вариант. В журнал попали только слова, в которых мы сошлись.

— Вот скажешь Гранту, что кто-то есть в порту, и к вечеру у нас будут покупать билеты, — сказал Луис.

Луис снял наушники. Приёмник оставил включённым. Я попросил его позвать меня, если голос вернётся, и записал в блокноте время передачи. Оуэн придвинул бутерброд к Луису. Тот машинально откусил, всё ещё глядя на динамик.

Грант встретил меня у лестницы. София принесла две чашки кофе. Одну взял Грант, второй она согрела себе пальцы.

— Сан-Томас? — спросил он.

Я пересказал слова, записанные в журнале. София чуть не пролила кофе, когда услышала про шесть.

— Можно сказать, что кто-то передаёт, — сказала она. — Если спросят, я так и скажу.

Грант уже повернулся к каминному залу. Я попросил его не говорить гостям, что ответили из порта. Он остановился на пороге. На нас обоих смотрел Томас, который ровнял стопку карт на столе, постукивая ею по дереву.

— Я ещё ничего не сказал, Дэниел, — ответил Грант.

Он вошёл и сел, оставив дверь открытой. София сунула мне свою чашку и убрала со стола испачканный кофе лист. Встреча у них продлилась около десяти минут. Потом оттуда вышел Томас с картами и попросил меня найти Элизу. Одну карту он забрал со стола Гранта уже сухой. Пятно высохло, оставив бледный круг вокруг входа в бухту.

Во второй половине дня на причал дважды звонили из дома и спрашивали, пришёл ли Пако. Первый раз звонила Нора, второй — один из гостей, которому по ошибке дали номер дежурного вместо номера кухни. Оба звонка я застал в будке. Дежурный уже сменился и передал журнал человеку в чистой куртке. Тот долго искал графу «Прибытие», прежде чем спросить, кто поставил прочерк. На выходе из будки мы встретили Элизу. Она несла старому дежурному его термос. Увидев карты у меня под мышкой, положила термос возле журнала и пошла со мной.

На дорогу ушло дольше обычного. У продуваемого поворота Калеб выставил двоих подождать ремонтников. Шланг убрали с тропы, но в гравии осталась глубокая промоина. Под ней открылась труба, и кто-то уже успел на неё наступить. Пришлось обходить через двор. Там Элиза остановилась, чтобы заглянуть в окно мастерской. Инес работала за столом при свете настольной лампы, а на свободном краю лежал спутниковый аппарат с вынутым аккумулятором. Элиза коснулась рамы, но стучать не стала. Мы пошли к дому.

К ужину Нора сама вышла в столовую. Вдоль стены стояли глубокие миски. Повар наливал в них суп из одной кастрюли, и для этого впервые за весь приём ему не потребовалось спрашивать фамилию. Гости ещё рассаживались. У места Гранта положили под стол невысокую скамейку для ноги. Он подождал, пока её придвинут, и попросил Нору оставить суп у него под крышкой. Нора поставила миску перед ним.

Томас разложил карты там, где раньше стояла хлебная корзина. Салфетка у него на коленях сползла на пол, но он смотрел на Гранта и ничего вокруг не замечал.

— Если сеть упала целиком, на берегу об этом знают со вчерашнего вечера, — сказал он. — Кто-то ведь должен сидеть у рации в порту. Подойдём к причалу, спросим. Я могу показать, где там швартуют частные суда.

Элиза присела напротив. К верхнему углу карты прилип хлебный мякиш. Она придвинула карту к себе. Прибрежный участок, на который показывал Томас, занимал меньше места, чем её большой палец.

— Ты хоть раз заходил туда без связи с лоцманом? — спросила она.

Томас вытащил из-под карты вилку.

— Мы заходим днём. Если у них всё в порядке, нас увидят.

Амара Окафор до этого ела у дальнего края стола. Она принесла свой стул ближе и спросила, кто распоряжается топливом в порту. Томас назвал подрядчика. Амара знала его, но сказала, что по выходным один из причалов работает без заправки. Грант напомнил, что строили этот причал для его компании. Амара переставила свою миску на свободный подоконник и спросила, кто держит ключи сейчас. Грант открыл рот, потом потянул к себе чашку. Имя человека с ключами ему было неизвестно.

— Я не собираюсь отправлять людей за топливом, — сказал он. — Пусть высадятся и найдут, кто объяснит, что происходит.

Элиза развернула карту восточной части Тихого океана. Нашла Вейл между сгибами и приложила линейку.

— Около двух суток туда при ровном море, — сказала она. — Дальше зависит от того, что найдём. Топливо на обратную дорогу считаем до выхода.

На обороте списка телефонов София начала записывать решение.

— А если порт работает, а нас просто не слышат? — спросила она. — Я хочу знать, где окажутся люди, если их дальше позовут в город.

Грант посмотрел на меня, как смотрел, когда после позднего выезда вдруг предлагал остановиться поесть в незнакомом месте. Обычно за стол к нему я не садился. Теперь я сел рядом, чтобы видеть всю карту бухты.

— Мы утром уже съездили за мыс. Кто ждал их на берегу? — спросил я.

— Ты и дежурный.

Элиза развернула карту так, чтобы я мог показать ей вход в бухту. Я провёл пальцем по маршруту туда и обратно.

— Давайте так же сделаем с яхтой. По радио позовут порт. Посмотрят с воды, что видно, и сообщат сюда. Если в порт захочется зайти, сначала поговорим. На берег сейчас людей я бы не отправлял.

Грант снял крышку с супа. Под ней осталось немного пара. Он взял ложку, но вместо того, чтобы начать есть, поскрёб выпуклой стороной по краю миски.

— Сын должен был вчера вылететь из Сан-Томаса, — сказал он.

Элиза отодвинула линейку и придвинула к себе побережье.

— С моря виден аэродром. Я могу сказать, какие огни горят, если подойдём в темноте. Кто сел в самолёт, оттуда не узнаешь.

За дверью кто-то закрыл створку на террасу. В стекле вместо бухты проступил накрытый стол. Грант спросил у меня, сколько людей охраны можно посадить на борт. Я ответил, что сначала нужно узнать, кто умеет вести яхту и стоять вахту. Отправлять людей ради одного лишь присутствия охраны на борту при таком рейсе смысла нет. Томас полез под стол за упавшей салфеткой. Оттуда и сказал, что не раз стоял ночную вахту. Элиза попросила его подняться и повторить это ей. Теперь ей нужны были подробности.

Нора забрала со стола остывший суп. Грант поймал её за край рукава, пока она ставила миску на поднос.

— Придётся приготовить еду на выход, — сказал он.

— Когда скажешь, на сколько человек, приготовлю.

Она освобождала рукав осторожно, чтобы не плеснуть ему на брюки. Грант отпустил рукав и придвинул миску.

— Когда посылать за ними, если они пропадут? — спросил он меня.

— Если пропустят один сеанс, позовём на следующем, — ответил я. — Время назначим до выхода.

Элиза отложила линейку. Она хотела начать с осмотра яхты и попросила принести ключ от шкафа с судовым журналом. Грант подозвал Софию.

— Запиши, что пока смотрим с воды. Если они увидят что-то важное, пусть сразу выходят на связь.

София прочитала ему то, что записала. Я спустился с ключом от шкафа, который Грант снял со своей связки. На площадке перед кухней Нора развернула накладную обратной стороной и снова повесила на доску. Я попросил её оставить внизу место для рейса. Она провела карандашом черту. На кухне хлопнула дверца печи. Сверху Нора написала «Завтрак» и пошла вынимать хлеб.

Элиза ждала у трапа. Я отдал ей ключ. Она открыла шкаф и развернула судовой журнал на последнем переходе Рида.

— Ключ пока оставь у меня. Если завтра Пако не придёт, яхта выйдет первой.

Она оставила шкаф открытым, поднялась в рубку и включила свет над штурвалом.

Глава 3. Пятеро

Элиза подошла к открытому шкафу, отодвинув ведёрко для шампанского. Рядом с папками лежал старый фонарь на ремешке. Когда она его сняла, на полке остался чистый след.

— Ты вчера отвечал нам с борта? — спросила она человека, спустившегося со ступенек рубки.

— Да.

Я знал Марка в лицо. Он следил за яхтой Гранта и забирал гостей с рейда. Когда он привёз Томаса, у Марка, несмотря на холод, рукава рубашки были закатаны до локтей.

— А где Рид? — спросила Элиза.

На качке чашка заскользила по стойке. Марк поставил её в ведёрко.

— На материке. Должен был вернуться со снабжением. Пако обещал ему место.

За столом Грант говорил о выходе яхты почти с той же уверенностью, с какой обещал гостям завтрак. Марк видел от капитана короткое сообщение перед самой потерей связи. Рид уже был в порту, собирался к Пако. Сел ли Рид на катер, Марк так и не узнал.

Элиза разложила карты на стойке. Марк достал свою чашку из ведёрка, отпил и заглянул ей через плечо. Она показала страницу из журнала, где Рид оставил отметку о последнем переходе. Марк сразу узнал почерк. Такие же крупные цифры стояли у него на коробке с запасными предохранителями: капитан подписывал их, чтобы Марк мог найти нужный в темноте.

— Сам до Сан-Томаса ходил? — спросила Элиза.

— С Ридом. Сам только в бухте.

Элиза подвинула ему журнал. Они постояли над ним, пока я держал фонарь. Потом она позвала Марка в рубку. На пороге вспомнила обо мне, забрала у меня фонарь и спросила, есть ли у меня возможность привести Томаса к утру. Ей нужно было знать, кому она сможет оставить руль часа в три ночи.

— Он сказал, что стоял вахты, — напомнил я.

— Вот и поговорим, чем он на них занимался.

Поднявшись, она включила экран с картой. Слева висело уведомление о потере внешней связи. Элиза закрыла его, провела пальцем от нашего мыса на восток, и под стеклом появилась береговая линия. Карты оставались на борту. В прошлый раз она заходила в Сан-Томас на другой яхте. Марк нашёл на карте место, где Рид обычно вызывал порт по УКВ, и приложил к стеклу большой палец. Элиза попросила убрать руку и перенесла отметку на карту из шкафа.

Дальше они собирались спуститься к двигателям. Я спросил Элизу, когда мне снова её искать. Она посмотрела на берег. Свет у лестницы вёл только до дверей сарая. Дальше по тропе людей было видно, когда они сами включали фонарь.

— Утром, — сказала она. — Если с яхтой всё в порядке, поговорим с теми, кто хочет идти.

Марк забрал чашку, промокнул оставленный ею круг на стойке и пошёл за Элизой.

Наверху Грант сидел в кабинете. Ногу он поставил на перевёрнутую корзину. В камине давно погас огонь, а здесь было душно. Окно он держал закрытым, чтобы слышать телефон в коридоре. Я рассказал ему про Рида и отдал ключ, который Элиза вернула мне у трапа.

— Он бы с Пако позвал нас прежде, чем мы позвали бы его, — сказал Грант.

Он перебрал на кольце оставшиеся ключи и сразу нашёл место, где был судовой. Металл там потускнел от соприкосновения с другими кольцами. Он попытался продеть ключ в кольцо, но оно выскользнуло из пальцев. Грант протянул ключ мне.

— Уорд сможет её вывести?

— Она сейчас это выясняет.

Грант повернул кресло к двери. Я прошёл мимо стола, приоткрыл створку и отодвинул шнур жалюзи, чтобы его не било по стеклу. Снизу доносилась работа берегового генератора. Грант дал мне дойти обратно до двери.

— Как соберёт людей, приведи их сюда. Я хочу услышать каждого.

В коридоре Калеб дремал, откинувшись на стену. Тень от перил ложилась ему на лицо. Когда я подал ему куртку, которую он оставил у лестницы, он проснулся и сразу спросил, который час.

— Говорят, ты собираешься с ними, — сказал он.

— Кто говорит?

Калеб сунул руки в рукава и поискал у себя на груди рацию. Она лежала рядом, на подоконнике.

— Парень у кухни. Ему велели отсюда передать, чтобы ты пришёл с вещами к причалу. Я отменил вещи. К причалу тебе и так по дороге.

Мне приходилось оставлять Гранта с другой сменой и уезжать на неделю. Тогда у нас были адреса, которые можно было назвать водителю, и телефон, на который кто-то мог ответить. Когда я служил в подразделении морских котиков, жена знала, у кого спросить, если я не звонил вовремя. Теперь до Сан-Томаса было двое суток хода, а сообщение из трёх строк до неё так и не дошло. Рядом с сообщением горел красный восклицательный знак. Приложение предлагало отправить его ещё раз.

— Ты ведь сам знаешь, кто остаётся у Гранта, — сказал я.

Калеб закрепил рацию на ремне. Когда мы разошлись, он задержался у поворота и крикнул мне вслед, что утром можно завтракать на кухне. Он уже предупредил Нору. Ночью она интересовалась, сколько человек из охраны вообще успело поесть за столом.

Наутро Элиза принесла судовой журнал с отметкой Марка. Под ней стояла её подпись. Тот подтвердил, что оба двигателя запустились и отработали без замечаний. Топливо они с Элизой сверили по журналу и по приборам. Часть запаса они приняли из берегового бака. Перед следующим длинным рейсом яхту всё равно собирались заправлять. Элиза попросила убрать заправочный рукав и дать ей ещё раз сверить показания. Марк оставался у причала, чтобы принять яхту, если та вернётся ночью. На причале от Пако по-прежнему не было вестей.

У Гранта к этому часу было больше желающих, чем стульев. Один гость приехал на остров без багажа и собирался уйти на яхте ровно в том, в чём был. Другой принёс большую сумку и поставил её у двери, чтобы заговорить первым. Когда Элиза попросила его назвать, чем он сможет заняться на переходе, мужчина убрал сумку с прохода и спросил, предусмотрено ли возвращение тем же рейсом.

— Мы подойдём к берегу и повернём, — сказала Элиза. — Высадки в Сан-Томасе нет. Кому нужно в город, пусть пока остаётся здесь.

У двери сразу освободился проход. Клэр, сидевшая ближе всех к Гранту, осталась на месте. Она попросила позвонить сестре. Элиза предложила оставить номер у Софии и спросила, сможет ли Клэр помочь в море. Клэр сказала, что её укачивает даже на катере, и пошла искать Софию.

Томас пришёл со своей схемой бухты, хотя та уже была не нужна. Элиза попросила его рассказать про ночные вахты. Бек перечислил нескольких знакомых капитанов. Она выслушала его, дала ластик и попросила стереть всё, что он нанёс карандашом у выхода из бухты. Томас занялся этим и только тогда заговорил о деле. Бек ходил с Пако и раньше дважды перегонял чужие яхты вдоль тихоокеанского побережья. Когда капитан отдыхал, Томас держал курс на отмеченном участке и будил его, если кто-то пересекал их путь. Он не любил подходить к мелким гаваням в темноте и один раз уговорил человека с большим стажем дождаться рассвета. Про тот случай капитан ещё неделю напоминал ему при каждой смене.

Элиза спросила, готов ли он на этом рейсе будить её раньше, чем сочтёт нужным. Томас перестал стирать.

— Если вы потом дадите мне досмотреть сон, — сказал он.

Она забрала у него ластик и положила на стол. Томас уступил место Виктору, который только что вошёл. На этот раз пиджака у Виктора не было. На плече висела полотняная сумка, а чёрный футляр он держал за ручку двумя руками.

— Я думала, дозиметр можно взять и без тебя, — сказала Элиза.

Виктор поставил футляр на сиденье. Сел на край подоконника и рассказал, что в прошлом году дважды ходил ночами на открытой воде. Второй переход вышел длиннее первого, потому что ему с напарником пришлось переждать погоду подальше от берега. Элиза задала несколько вопросов о том, как они сменялись и кто держал вахту, пока напарник спал. Виктор отвечал спокойно. Шнур от жалюзи всё время ложился ему на плечо. Под конец Виктор снял его и, продолжая отвечать, завёл за крючок на раме.

— Про прибор можешь рассказать по дороге? — спросила Элиза.

Он забрал футляр и проверил защёлки.

— Могу. Мне надо сперва снять показание здесь, на острове.

Виктор вышел с прибором на террасу и записал показания в блокнот. Элиза тем временем продиктовала время для второго замера уже после выхода. Больше про дозиметр никто не спросил. Грант рассчитывал узнать, работает ли аэропорт. Когда у двери появилась София, он придвинул кресло к ней.

София принесла вчерашнюю запись о выходе. Под решением стоял ещё один телефон. Она положила запись перед Грантом и достала диктофон. Ей хотелось послушать обрывок передачи, если на посту его сохранили. У нас остался только журнал.

— Тогда запишем следующий, — сказала она.

Я спросил, работала ли она с судовой рацией. София вспомнила съёмки в море с двумя лодками. Когда мотор заглушили и стало можно разговаривать, она передавала с одной на другую, у кого остался оператор и к кому подойдёт судно, чтобы их забрать. Однажды капитан приказал освободить эфир прямо посреди её фразы. С тех пор она выясняла до сеанса, что спрашивать первым, если на разговор останется полминуты.

— Что спросишь у порта? — сказала Элиза.

— Кто на связи и откуда говорит. Потом про огни и причалы. Аэропорт запишу отдельно, если дадут время.

Грант покрутил в руках карандаш. Элиза сказала Софии, что на переходе она сядет к рации вместе с тем, кто стоит на вахте. София включила диктофон и попросила меня назвать себя. Потом отошла к дверям и попросила повторить. Оба раза голос получился разный по громкости, но слова можно было разобрать. София убрала диктофон в нагрудный карман и застегнула его.

На подоконник легла свёрнутая карта. Её принесла Амара. Пока Элиза говорила с остальными, Амара спустилась в будку причала и попросила показать накладные с последнего рейса Пако. Мы знали, во сколько тот собирался прийти. Амара нашла время, когда на материке приняли груз, и телефон человека, который расписался на выдаче. На острове этому человеку уже звонили через диспетчера. Теперь она хотела оставить его имя и фирму рядом с названием судна. Если в порту ответят, будет о ком спросить.

— Возьмёшь на себя журнал? — спросила Элиза. — Часы, курс, кто кому ответил. За столом всё помнится, на второй день я начну путать утро с вечером.

Амара развернула карту, отодвинула стоявшую посередине пустую чашку и прижала ею угол.

— Сделайте мне копию плана. На этой карте я отмечу путь по вахтам. Пусть тот, кто придёт после меня, видит, где мы были и что услышали.

Элиза попросила дать ей ещё минуту. В списке осталось пять имён. Элиза поставила своё первым, Виктора записала вторым вахтенным, а с Томасом договорилась, что он будет подменять их на знакомых участках. Амара и София дежурили рядом с тем, кто вёл яхту. Для каждого появилась работа и время, когда его можно разбудить. Расписание Элиза забрала, чтобы вывесить у рубки.

Грант попросил меня задержаться. Остальные вышли, а София вернулась за списком телефонов. Грант успел оторвать угол листа и что-то на нём записать. Она вышла. Грант передал записку мне. На ней было имя его сына и два номера. Один принадлежал авиакомпании, другой — сыну.

— Если ты поедешь, хотя бы будешь знать, где его искать, — сказал Грант.

Цифры второго номера проступали на обороте записки. Однажды, когда мы задержались на выезде, жена дозвонилась нашему диспетчеру в его выходной. Другого номера ей не оставили. Она тогда спросила у него, есть ли кто-нибудь, кто просто видел меня в тот день. Я думал об этом с ночи, с минуты, когда телефон предложил отправить сообщение повторно.

— Если они услышат порт, я буду рядом, чтобы принять ответ, — сказал я. — Останусь здесь.

Грант опёрся на стол и придвинул кресло. Из-под ножки выкатился карандаш. За ним он уже не наклонялся.

— Передай Софии, — сказал он. — У неё всё в одном месте.

Я догнал Софию на лестнице. Она сверила фамилию, вписала имя сына рядом с остальными и убрала записку во внутренний карман сумки.

Часы сеансов мы назначали в будке у причала. Инес принесла настройки поста, записанные Луисом, и поставила перед Элизой часы. На яхте показывало на две минуты больше. Амара запомнила разницу, потом поднялась к рубке и вернулась, сказав, что перевела судовые часы на островное время. Ей было проще один раз сделать это теперь, чем потом спрашивать, по чьему времени записан каждый разговор.

Перед проверкой я отдал Элизе ключ от судового шкафа. Она надела его на своё кольцо. София поднялась на яхту, Луис отвечал с северного поста. Из будки я слышал лишь его ответы по местной рации. После первого вызова он попросил подождать, пока будет готов записывать. На втором произнёс фамилию Элизы и повторил время. Добравшись до будки, София включила диктофон. У него было слышно и обращение Луиса к яхте, и то, как Виктор за её спиной уронил на пол карандаш. София выключила запись и спросила Марка, можно ли закрепить диктофон у динамика.

— В семь утра и в семь вечера, по нашим часам, — сказала Элиза. — Сегодня сначала в семь вечера. Если понадобится раньше, позовём раньше.

Я записал рядом с вечерним временем, где будет Луис и кому передать дежурство, если он пойдёт за едой. Мы оставляли приёмник включённым и между сеансами. Когда кто-то позовёт к передатчику, идти туда будет тот, у кого есть возможность отложить всё остальное. На первый вечер на посту собирался быть я. Элиза провела ногтем под строкой и спросила, что мы сделаем, если не услышим их к семи.

— Подождём и вызовем сами, — сказал я. — Потом будем слушать до утра.

Ей этого хватило. Она забрала копию и подождала Амару у выхода. По дороге к трапу Элиза окликнула Томаса. Тот успел отнести на яхту сумку и теперь собирался вернуться за вторым свитером. Услышав, что осталось дождаться груза с кухни, спустился с трапа и побежал наверх.

У Норы дверцу кладовой держала открытой деревянная ложка. Перед выходом она вынула её и проверила, что никто не оставил на полу коробку. На столе лежали продукты, которые ещё можно было убрать обратно. Нора велела поставить часть на тележку, а осталь-

ным наполнила ящик с крышкой. На боковине стояла вчерашняя надпись «Кухня». Нести его оказалось легче, чем я ожидал.

— Этот собирала для завтрака, — сказала Нора. — Для всего дома. Теперь отдаю им. Сегодня на яхте пусть откроют первым.

Она достала из фартука ленту. Написала «Сначала» и приклеила рядом со старой надписью. Я спросил, как она доберёт завтрашнюю выдачу. Нора прошла к доске и показала на карандашную строку, проведённую вчера. Под ней рядом с рейсом стояла новая отметка. Вместо того, чтобы нести на яхту ещё часть островного запаса, она попросила Элизу оставить в кладовой яхтенные продукты, которые на переходе было неудобно готовить. Они уже стояли на столе. Их можно будет пустить в общий котёл, а утреннюю выдачу Нора теперь придумает заново.

На дворе снова работала вода. Из шланга на камни била тонкая струя, и человек в сапогах проверял, затянулось ли соединение после ремонта. По тропе к причалу я спускался сам. Тележка ушла вперёд. На ней лежали чужие сумки, и на повороте одна поползла вниз. Марк поймал её и поставил торцом, чтобы ручка попала под ремень. Томас вернулся без второго свитера. У трапа он стоял в чужой ветровке и принял у меня ящик Норы, прижав его к животу обеими руками.

Виктор принёс из кухни банку персиков. Нора пометила крышку: «экипаж». Томас узнал этикетку. Банку Марк убрал к остальным припасам.

— Поставь у входа в каюту, — попросил я. — Нора сказала открыть первым.

Бек повернулся к трапу. Одна ручка выскользнула у него из пальцев. Он подхватил ящик снизу, тихо выругался и поднялся на борт. Крановщик проверил трап. Это была последняя поклажа.

Грант пришёл, когда Марк уже предупредил, что пора освобождать проход. Грант спустился от сарая один, осторожно перенося вес на больную ногу. Внизу остановился и попросил подать ему руку через щель в настиле. Марк протянул руку раньше меня. Я встал справа, оставив Гранту место у края, откуда можно было разговаривать с Элизой.

Она вышла к борту и спросила, есть ли ещё поручения, которые стоит записать до отхода. Грант поднял руку. На секунду я решил, что он попросит её подойти ближе. Вместо ответа он взялся за перекладину ограждения.

— София знает, — сказал Грант.

Элиза кивнула и ушла в рубку. Марк втянул трап на причал. Его свободный конец дважды стукнул о доски. Амара отступила от борта и пропустила Виктора к корме. Виктор поднял руку, и крановщик подал швартов Томасу. Тот принял его с первого раза, и яхта отошла от причала.

Грант задержался возле сарая. Оттуда был виден последний буй, но я заметил, что он смотрит туда, где ещё минуту назад находился трап. Крановщик оставил тряпку у сарая и подошёл ко мне.

— На какой час их ждать?

До порта было около четырёхсот пятидесяти морских миль. При ходе в девять с половиной узлов Элиза рассчитывала на двое суток в одну сторону. Время возвращения зависело от моря и от того, сколько они пробудут у берега. В будке на доске напротив имени Пако всё ещё стояло «07:00».

— В семь вечера ждём вызова, — сказал я.

— А приход? — спросил крановщик.

За мысом яхта уже скрылась. В семь вечера мы ещё могли услышать Элизу. О том, когда встретим её у трапа, я ничего не записал.

Глава 4. Пустой слот

Первый вызов мы приняли за три минуты до семи. Луис ел прямо из кастрюльки. Услышав голос Софии, он сунул мне кастрюльку вместе с ложкой. Сам он уже тянулся к микрофону. Я поставил кастрюльку на подоконник. В динамике послышался скрежет. На яхте кто-то попросил отодвинуть ящик.

София назвала время и координаты яхты. До Сан-Томаса ещё оставалась большая часть пути. Томас где-то поодаль сказал, что ему наконец нашлось дело по силам. Расслышать, какое именно, мы не смогли: он говорил издалека, а София уже спрашивала, кто у нас будет к утру. Луис сказал, что к утру на посту будут они с Оуэном, и спросил, держит ли яхта прежний курс. Через несколько секунд Элиза ответила, что курс прежний и всё в порядке. В журнале рядом со временем Луис успел записать, кто говорил с каждой стороны. Строка получилась короткая. Этого мы и ждали.

Я спустился в дом и застал Гранта в коридоре. Он собирался ужинать, но поначалу пошёл со мной к лестнице, которая вела к северному выходу. Остановился сам, лишь когда дошёл до холодного стекла.

— Они ещё в пути, Грант.

Он оглянулся на столик, где лежала приготовленная для него салфетка.

— Значит, к утру могут услышать аэропорт?

— К утру до него ещё будет далеко.

Из столовой вышла Нора. Грант попросил её принести ужин в кабинет и загородил дверь, пока она ждала, чтобы пройти с подносом. Потом заметил поднос и отступил. Нора спросила, едят ли на яхте то, что она им дала. Я ответил, что Софию было слышно хорошо и она ни на что не жаловалась. Грант открыл Норе дверь.

На следующее утро, в семь, Луис сидел за столом в той же рубашке. Спал он после первого сеанса у себя, на пост заступил перед рассветом. На груди под расстёгнутой пуговицей виднелся край новой футболки. Вместо кастрюльки у окна стояла кружка, и за ручку он брался каждый раз, когда хотел посмотреть на часы. Стрелка переходила с деления на деление, а Луис так и не отпил.

Яхта к семи не вызвала. Мы подождали несколько минут, как условились с Элизой. Потом Луис первым назвал её по имени и отпустил кнопку. Кто-то из дежурных снаружи сдвинул пустую канистру, и по стене прошёл скрежет. Луис оглянулся на дверь. Я выглянул, попросил переставить канистру под лестницу и прикрыл створку плотнее.

В журнале под вчерашней строкой Оуэн ещё с вечера проставил сегодняшнее время. Напротив семи утра было оставлено место для координат. Ниже шёл вечерний сеанс, с таким же длинным прямоугольником, какого хватило бы на целую строку цифр.

— Стоит проверить часы? — спросил я.

На телефоне Луиса и на часах над дверью было одно и то же время. Судовые часы Амара перед уходом перевела сама. Я подцепил ногтем край страницы. Луис ещё подождал, потом вызвал яхту снова.

Оуэн принёс просьбу сменить двоих на обходе. Я расписался, не вставая. Пока он убирал распоряжение, на частоте проступил голос. Мы услышали только последнее слово. Оно походило на испанское «сейчас». Луис ничего не ответил. Голос пропал, а дальше шёл один шум.

Через полчаса я связался с домом и сказал, что утренний сеанс пропущен. Калеб передал, что Грант ждёт меня у себя. На этот раз у меня ушло больше времени на спуск. В одном месте на тропу вылез корень, и два камня под ним съехали вниз. Пришлось обходить по траве, где от росы сразу промокли ботинки.

У служебного выхода меня ждал Калеб. Он взялся за ручку створки и сразу отпустил её. Со стороны кухни толкали тележку. Мы дали ей проехать. На тележке стояли стаканы с соком, и на стыке плит сок в двух стаканах перелился на поднос. Парень из кухни завёз тележку в дом.

— Грант велел спустить к причалу всё, что может выйти в море, — сказал Калеб. — А потом сказал, что без его разрешения ни один мотор не заводить. Марк спрашивает, ему сегодня лодки греть или слушать радио.

Я попросил Калеба отослать Марка на причал. Там он мог продолжать слушать местную связь и проверить, готовы ли лодки к короткому выходу, если кто-то объявится рядом с островом. Для поиска яхты за сотни миль у нас по-прежнему были только передатчик и вчерашние координаты. Калеб спустился с поручением.

В кабинете Грант сидел в той же позе, в какой я оставил его вечером. На столе лежала карта. Поверх карты стоял телефон. Грант убрал очки в футляр, освобождая место для записей.

— Ты собираешься найти их или ждать до семи? — спросил он.

— Луис оставил приёмник включённым. Если яхта вызовет раньше, он сможет ответить.

Грант дёрнул за угол карты, и телефон пополз к краю. Он уложил карту обратно, взял телефон в руку и спросил, какой катер у нас быстрее. Я показал, где на карте вчера была яхта, и дал ему посмотреть на размер бухты рядом с этим расстоянием. Он переставил телефон на подоконник.

— Тогда пусть Луис спустится. Объяснит мне, сколько мы ещё можем сидеть у аппарата.

— Пока он идёт сюда, Оуэн может слушать. Если яхта позовёт, отвечать лучше Луису.

Грант водил пальцем по записи вызова. Он хотел услышать того, кто принимал передачу. Я предложил поговорить с Луисом по местной линии. У аппарата Грант смог бы задать столько вопросов, сколько нужно, а дежурный оставался бы на посту. Грант потянулся к телефону и остановился, не успев его коснуться.

— Когда он в последний раз слышал берег? — спросил он.

— Со вчерашнего дня ничего, что смогли бы опознать.

Грант кивнул, и на этом наш разговор закончился. У двери он попросил меня узнать, почему Инес собирается отключить часть дома. Ему утром сказали, что надо беречь топливо обоих генераторов. Сам он просил пока держать включённым всё, что может пригодиться яхте, особенно освещение причала. Ещё он распорядился открыть гостям кабинет с телефоном. Спроси, нужен ли кому разговор по острову. Может, хоть с причалом свяжутся.

Инес нашлась в каминном зале. Телевизор над камином выключили с вечера, но под ним горел свет, оставленный для уборки. На террасе по-прежнему работали уличные лампы. Накануне их включили к ужину и утром забыли погасить. Инес смотрела на свет за стеклом, пока девушка собирала с пола кабель от колонки.

— Какой из этих контуров Грант называет причалом? — спросила она.

Я сказал, что он имел в виду входные огни и свет вдоль настила. Инес указала на террасу. За стеклом горел целый ряд ламп. На причале их свет терялся, зато с террасы на фотографиях хорошо выходила яхта. Управляющий имением числил их вместе с освещением спуска к бухте. Когда передали «причал не трогать», никто из смены не пошёл даже посмотреть, что туда входит.

Мы спустились в служебный двор. Возле мастерской гудел генератор. Стоявший дальше второй агрегат тоже работал, но по звуку я с улицы уже не мог понять, где кончается один и начинается другой. В проёме за открытой дверью человек с фонарём наклонился к журналу и записал показания, держа фонарь у подбородка. Инес пропустила его мимо и подвела меня к схеме на стене.

— До вечера могу оставить всё, как сейчас, — сказала она. — Если яхта скажет, что Пако идёт следом, мы завтра снова наполним баки. А если они только до порта дойдут?

При прошлой поставке привезли меньше топлива, чем ожидали. Инес записала недостачу в журнал и переложила её на следующий заказ. Я спросил про запас для яхты. Инес постучала пальцем по отдельной графе. Часть судового запаса ушла яхте перед выходом. Береговые генераторы заправляли из другого бака. Остаток берегового топлива она видела по своей отметке. Если до вечера тянуть обе нагрузки, на завтра останется меньше топлива, чем Инес хотела держать в резерве. Вечером дольше всего требовались свет у постов, холодильники и насос, который поднимал воду к дому.

Она отметила на схеме линии, которые шли к гостевым спальням. Часть комнат ещё не пустовала. Свет для коридоров и лестниц шёл отдельно. Инес предложила оставить холодильники и мастерскую, а насос включать на короткое время, когда в доме нужно меньше электричества. Для приборов на северном посту было своё резервное питание. Луису надо было проверить питание аппаратуры.

На кухне Нора уже сняла с подачи тарелки с рыбой и сливочным сыром. Холодильник, где стояли закуски с приёма, больше не держал холод. Повар успел перенести всё, что оставалось холодным, в общую камеру. От двух подносов Нора отказалась: никто не помнил, когда их вынесли из зала.

— В верхних комнатах ещё остались гости. Переселим их в нижнее крыло. Кто не собрался, тому поможем, — сказал я. — У причала оставим свет у трапа и огни на входе.

Инес приложила грифель к схеме. Я думал, она обведёт нижнее крыло, но она провела карандашом до кухни.

— Тут тоже пойдут спрашивать воду, — сказала она. — Предупреди Нору, что наверху насос до полудня не включим. Пусть люди заранее знают, когда можно мыться.

Мы договорились, что первым проверим пост. В мастерской Инес попросила меня самому подержать рацию у плеча, пока она будет занята. Я позвал Луиса. На том конце кто-то отодвинул посуду. Когда техник снял нагрузку со второго генератора и заглушил его, Луис посмотрел на индикаторы. Приёмник остался включённым. Через открытую дверь мастерской я впервые за утро услышал, как на дворе капает вода из плохо закрытого крана.

У лестницы в доме меня остановила Клэр с номером сестры. Вчера Элиза спрашивала, может ли она пойти в море. Сегодня Клэр решила, что у Гранта в кабинете дают позвонить, и принесла телефон с собой, чтобы продиктовать номер. В одной руке она держала бумажку, в другой — зарядный провод.

— Я сама наберу, если мне покажут как, — сказала она. — Она ещё должна быть дома.

У кабинета уже стояли двое. Один из них, Тео Вэнс, пытался выяснить, почему трубка даёт гудок, если до города звонок не проходит. Я спросил, до кого ему нужно дозвониться. Он назвал своего помощника. В прошлый раз, когда у них сорвался рейс, тот заказал ещё один самолёт, пока остальные ждали в очереди у стойки. Теперь ему хватило бы, чтобы помощник нашёл номер отца. Сам он его не сохранил.

Я объяснил, что с аппарата можно вызвать кухню, мастерскую или причал. Клэр убрала записку. Мужчина за ней вызвался отвести её вниз, когда узнал, что верхние спальни придётся освободить. Ему самому нужно было вернуться за вещами. Калеб принёс с нижнего этажа связку комнатных ключей и предложил начать с тех, кто ходил с тростью. Он спросил, можно ли оставить одну комнату наверху. Там жил человек, которого за завтраком мы вдвоём вели вниз. Инес оставила ему лампу у двери до вечера, а Калеб нашёл внизу комнату с широким входом. Там стоял стол, который можно было вынести без разборки.

Грант вышел из кабинета без пиджака. Чемодан у него в комнате был расстёгнут. Он поднялся за очками, потом сам позвал меня с нижней площадки.

— Я здесь ночую, — сказал он. — В кабинете. Не ищи мне комнату.

Я показал ему, где будет гореть свет, и предложил перенести его телефон на столик у камина. Оттуда можно было позвать Луиса и услышать ответ вместе с теми, кто тоже ждал.

Грант кивнул в сторону кабинета. Телефон всё ещё стоял на краю карты, а кабель уходил под стол. Отключать его он не хотел. Я нашёл в каминном зале другой аппарат, из тех, что ставили для звонков между помещениями. Переставили его поближе к креслам. Луис обещал позвонить туда после вечернего сеанса.

К полудню Нора вывесила у входа в кухню расписание. В верхней строке было написано, когда она подаст еду. В нижней — когда в жилом крыле включат воду. График Инес держала у себя на обороте схемы. Нора переписала его крупнее, чтобы не пришлось стоять у плиты и каждому объяснять, зачем в душе оставили открытый кран.

— У меня два ведра воды на мойку, — сказала она. — Когда они кончатся, я закрою окно выдачи. Сможешь донести это до тех, кто не привык ждать у двери?

Окно открывалось со стороны коридора. До вчерашнего вечера через него подавали еду тем, кто работал снаружи. Гостей обслуживали с другой стороны кухни, через столовую. Нора сняла защёлку, и на стойку легла первая тарелка. Со стороны коридора заглянул парень, который утром помогал с контурами. Он отступил, чтобы пропустить женщину с номером комнаты. Нора спросила, чего та хочет. Женщина сначала уточнила, где внизу её комната, а потом попросила стакан воды и для человека, который обещал за ней подняться.

Очередь к окну дошла до двери столовой. Когда один из гостей попробовал обойти ожидание через дверь столовой, Нора попросила подержать половник, пока она обеими руками переставит кастрюлю. Он взялся за ручку, выпустил её только после того, как Нора вернулась, и ушёл к остальным в коридор. К трём часам кто-то принёс к окну стул для парня с больной ногой. Стул вернулся на место одним из последних, когда Инес позвала техника проверить, дошла ли вода до нижнего крыла.

До вечера с яхты не слышали ничего. К семи вечера я пришёл на пост с куском хлеба, завёрнутым в салфетку. Луис ел с утра, а я вспомнил про свою тарелку только по дороге. Оуэн убрал хлеб подальше от микрофона: салфетка шуршала. Элиза вызвала сама, со второй попытки. В первый раз мы разобрали только «Вейл». Луис ответил, подождал, и Элиза назвала положение. Где-то поодаль Амара запросила время для записи. По координатам яхта всё ещё шла к материку.

— Утром нас слышали? — спросила Элиза.

Луис ответил, что утро в журнале пустое. Элиза успела сказать, что они вызывали дважды. Потом голос стал уходить, и Луис попросил её повторить, когда лучше ждать следующего вызова. Элиза вернулась на одно слово, громче остальных. «Утром». В тот вечер Софии в эфире не было.

Оуэн указал на строку с пропущенным сеансом и спросил, вписать ли туда, что с борта всё-таки звали. Я предложил под утренним временем отметить пропуск, а слова Элизы записать под вечерним. Луис дождался, пока Оуэн закончит, и позвонил в зал. Через открытый микрофон внутреннего телефона мы услышали, как там задвинули стул. Грант не стал спрашивать про аэропорт. Спросил, есть ли сведения о Пако. Луис ответил и передал мне трубку. Грант сказал, что останется внизу. Здесь доклад могли слышать все, кто ждал у камина.

На второе утро после выхода ветер стих. До сеанса оставалось с четверть часа. Я собирался к семи подняться на пост, но задремал возле камина, не снимая куртки. Меня разбудил звонок Оуэна. Телефон стоял у подлокотника. Из кресла Гранта до него было дальше, чем от меня, но трубку первым поднял он.

— Яхта, — шепнул Оуэн, отвернувшись от микрофона.

Я забрал трубку. Оуэн сказал, что Элиза начала вызывать до срока. Луис отвечает, а Оуэн сейчас поднесёт трубку к динамику. Пришлось включить громкую связь и положить аппарат на столик, чтобы больше никому не передавать его из рук в руки. Грант сдвинул с края пустую ложку. К нам обернулись двое, сидевшие у окна. Больше в зале никого не было.

Сначала я услышал только голос Луиса, глухой в передаче по телефону. Он просил Элизу сказать ещё раз, что видит перед собой. В динамике щёлкнуло. Когда звук вернулся, говорила она.

— Судно без хода. Борт вижу, название пока не разобрала. Вызывали, не отвечают.

Звук начал пропадать на концах слов. Я прижал телефон к уху. Грант придвинулся, и я снова включил громкую связь. Луис спросил, где относительно них судно. Из зала кто-то потянулся к выключателю и замер, услышав её голос снова.

— По курсу на Сан-Томас дым. Дальше к берегу, за судном. Томас, дай сюда.

Луис попросил подтвердить, что они идут вдоль берега. В трубке кто-то проговорил несколько слов далеко от микрофона. Элиза сказала громче, почти вровень с помехами:

— Вейл, подождите. Сейчас.

В телефоне коротко прошипело. Потом мы услышали только Луиса. Он снова вызвал Элизу. Ответа не было. Я развернул карту. По последней отметке яхты до Сан-Томаса оставался короткий переход. Про судно нам пока нечего было нанести на карту.

Глава 5. Вижу город

В телефоне снова глухо прозвучал позывной яхты. Последние слова заглушил щелчок, когда Луис отпустил кнопку передачи. Оуэн у аппарата кашлянул и попросил нас пока не класть трубку. Я сказал, что подождём. Он отодвинул трубку от себя, и кашель больше не мешал слушать.

Один из гостей у окна встал и прошёл в коридор. Женщина в соседнем кресле решила, что он идёт за кофе, и тоже поднялась. Она дошла до двери, как раз когда в телефоне снова заговорила Элиза. Женщина осталась на пороге.

— Вижу город. В бинокль вижу верхние этажи. За ними дым, ещё один столб правее. Амара, подержи микрофон.

В микрофон дважды донёсся сухой стук, и Томас попросил Элизу повернуть бинокль. Элиза вернулась к микрофону и сказала, что с их места уже открывается внешний мол. Когда она в последний раз заходила в Сан-Томас, на его конце стоял белый маяк с красным верхом. Сегодня она видела основание и белые камни вокруг. Покрашенную часть найти не могла. София вполголоса попросила повторить про маяк. Элиза успела сказать «белый», прежде чем её перебил Томас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.